

[00:00:00][Начало записи]

Организационные разговоры

[00:00:31]

Борис Гуселетов: «Блеск и нищета социал-демократии». Позвольте мне сделать небольшое вступление по этой теме, которая, на мой взгляд, сегодня в России постепенно приобретает актуальность. Я сужу по тому, что в преддверии президентских выборов, в конце прошлого года, в ряде газет, журналов появились размышления журналистов и политиков о том, что в России необходимо сформировать какую-то реальную левую оппозицию на социал-демократической основе. Возможно, за счет слияния ряда партий, имеющих сегодня представительство в парламенте или не имеющих его.

Отталкиваясь от этого, я бы хотел, с одной стороны, вспомнить, что в XX веке социал-демократия представляла в Европе, которая была колыбелью этого идеологического и политического движения, серьезное влияние и значение. В первой половине это был период борьбы за права рабочих, вторая половина, когда социал-демократия в большинстве европейских стран стала уже парламентской силой, это уже была реальная борьба за власть, которая завершилась в Европе созданием государства всеобщего благоденствия, социально ориентированной рыночной экономики, и социал-демократия стала где-то первой, где-то второй политической силой. Такие фигуры, как Фридрих Эберт, Франсуа Миттеран, Вилли Брандт и многие другие, навсегда вошли в историю политической жизни Европы, своих стран.

И так все прекрасно было до первого десятилетия этого века. А потом мы видим, у социал-демократии даже в ее колыбели начались серьезнейшие проблемы. Сегодня мы наблюдаем, по существу, коллапс социалистической партии Франции, которая на последних выборах потеряла все, что имела. В Греции социал-демократы, еще недавно бывшие у власти, сегодня по существу превратились в маргинальную политическую силу. Теряют свое влияние социалисты Испании, Голландии, потеряли власть норвежские лейбористы, потеряли свое бывшее влияние английские лейбористы, и многие другие.

Мы видим, что с одной стороны, на эту нишу все более активно претендуют представители левых радикальных сил, где-то между коммунистами и социал-демократами, такие партии, как Die Linke в Германии, движение Podemos в Испании, те же лейбористы во главе с Корбиным сегодня явно смещаются в эту сторону. Это интересный тренд, о котором, мне кажется, стоит сегодня поговорить. Мне кажется, мы должны будем поговорить и о европейском тренде и контексте социал-демократии.

Возвращаясь к России, я бы отметил, что, с одной стороны, за прошедшие 27 лет в постсоветской России мы видели тоже колебания. Вначале социал-демократы были рассеяны, и до 2006 года не представляли какой-то единой силы. Хотя мои исследования, и

исследования ряда коллег, которые сегодня будут выступать – я имею в виду Бориса Романова, Бориса Славина – показывали, что в совокупности левоцентристские силы в России в эти годы имели до 20% поддержки. Но так как эти 20% распределялись на 10-12 партий, каждая из них получала свои законные 1,5%, и оставалась вне парламента, вне реальной политики и влияния.

В 2007 году появилась надежда, на базе трех партий была создана «Справедливая Россия», которая примерно пять лет, по моим оценкам, до 2012 года, серьезно претендовала на большую роль в российской политике. Я помню период, когда эта партия получала до 20% на региональных выборах, на парламентских выборах 2011 года она получила серьезный результат, в районе 12%. Но, к сожалению, после 2012 года из партии начали уходить, или их начали вытеснять... Здесь присутствует пострадавший – Геннадий Владимирович Гудков.

В результате, потеряв тех людей, которые в этой партии реально олицетворяли социал-демократию, постепенно их выгнали оттуда, и партия стала терять свое влияние. Мы видим, что апофеозом этого стали прошедшие недавно президентские выборы, на которых «Справедливая России» даже не была представлена. Мы имели на них двух коммунистов, трех либералов, двух патриотов-националистов, и ни одного социал-демократа. Голос социал-демократии в России оказался неслышен. Это такой выстрел себе в ногу, а может быть даже чуть выше. На мой взгляд, это очень тревожный сигнал.

[00:05:21]

Как я сказал в начале, мы видим сегодня разговоры о возможном создании партии. Правда, меня пугает, что это разговоры о том, чтобы создать ее сверху. Это, на мой взгляд, сегодня повод для дискуссии, для разговора.

Заканчивая свое краткое вступление, хотел бы наметить канву. Я бы хотел, чтобы вначале выступили Владимир Яковлевич Швейцер и Владимир Фоменко, которые больше занимаются европейским контекстом. Мы тогда могли бы более глубоко окунуться в современную ситуацию социал-демократии в Европе, что, на мой взгляд, очень важно. Как я уже сказал, это колыбель, это в мировом контексте основополагающая сила.

Потом я хотел бы попросить выступить Бориса Федоровича Славина, Бориса Романова, представителей Института Европы, это Воейков и Комолов, которые поговорили бы больше о том периоде, который прошел, с чем были связаны проблемы социал-демократии в России, почему мы получили такие результаты. В заключение я бы хотел, чтобы выступили Геннадий Владимирович Гудков и Олег Молчанов, которые бы больше говорили уже именно о современной ситуации, и больше о перспективах.

[00:06:31] *Организационные разговоры*

Борис Гуселетов: Я прошу Владимира Яковлевича Швейцера, который представляет здесь Институт Европы РАН, доктора наук, руководителя отдела социально-политических

исследований, выступить по теме европейской социал-демократии. Потом Владимир Фоменко поговорил бы больше о левых, более радикальных силах Европе – что они сегодня собой представляют, идут ли они на смену социал-демократии.

Владимир Швейцер: Так получилось, что я занимаюсь социал-демократией уже свыше пятидесяти лет. Так сложилось, что с 1966 года я пришел работать в Институт международного рабочего движения, и продолжаю уже в Институте сравнительной политологии, переименовавшемся из Института рабочего движения, и в Институте Европы, начиная с 2002 года. Мне легко посмотреть на весь срез ситуаций, в которых действительно имел место и блеск, и нынешняя нищета, о чем удачно и остроумно было сказано в преамбуле к нашему мероприятию.

Собственно, в чем дело? Каждое политическое движение возникает на определенной стадии развития общества, когда имеет место востребованность в той или иной политики, оценке и решении определенных ситуаций. Тогда появляются политические партии, решения, появляются лидеры, которые это делают. Если говорить о блеске социал-демократии, этот блеск пришелся на 1970-1980 годы. С одной стороны, очень активно и успешно шло реформирование почти всех сторон жизни европейского общества и подготовка, как считали социал-демократы, к успешному переходу к интеграционной стадии. Действительно, Вилли Брандт, и Улоф Пальме, и Бруно Крайский – которого я лучше знал, потому что я занимался непосредственно Австрией долгие годы, да и сейчас от этого еще не отказался.

Все эти люди, все эти партии и движения нашли себя на внутривнутриполитическом плане. Но у них был и второй план, очень важный – это международный. Это посредничество между основными ядерными державами, между Советским Союзом и Соединенными Штатами, между Варшавским договором и НАТО. Все это имело место в 1970-1980 годы. Наконец, была еще одна сфера – это Третий мир, это борьба за освобождение. От колониализма освободились, но неоколониализм остался. Все это ложилось на плечи социал-демократии.

На этих трех основных китах и базировался этот блеск. Я точные цифры говорить не буду, но из 15 основных европейских стран в 10 социал-демократы уверенно лидировали. В каких-то странах они были на вторых ролях, а там, где их раньше не было, они появлялись и сразу брали верх. Это Греция, Испания, Португалия, которые освободились от профашистских, диктаторских режимов, и там социал-демократы вышли на первое место.

[00:10:22]

Все это имело место до начала этой нынешней фазы, когда, с одной стороны, шел очень мощный процесс, связанный с глобализацией экономики. И второй процесс – это развитие интеграционных процессов в Европе. Выяснилось – к сожалению, это печально – что та социал-демократия, которая прекрасно рисовала картины светлого будущего, когда писала, что мы переходим от демократического социализма 1990-х – 1980-х годов к новому

социализму, к социализму XXI века, оказалась не у дел. Для меня самое яркое свидетельство, что в последнем общем документе о социал-демократах Европы к выборам в Европарламент 2014 года вообще слова «социализм» нет.

Они растворились в массе других движений, которые тоже за справедливость, за экономический рост, за баланс, и так далее. Они утратили свое лицо. Утрата этого лица и привела к тому, что на крутых извилинах исторического процесса, который мы видим, идет очень неравномерно и с большими перепадами, социал-демократы утратили свои лидирующие позиции. Более того, они утратили и вторые позиции.

Я специально сегодня утром составил табличку. Если брать основные западноевропейские страны, восточноевропейские, и постсоциалистические страны, страны иного уровня, и просто говорить о социал-демократии в Чехии, во Франции, в Польше или в Германии – это было бы неверно. Страны на разном уровне, социал-демократия – имейте в виду, это очень важно – соответствует определенному социально-экономическому развитию стран. Если оно примерно одинаковое, ровное, без ухабов, без перекосов, то она идет действительно вверх. Как только этого не получается, она начинает лететь вверх тормашками, и сильно утрачивать. Что мы, собственно, сегодня и видим.

Сегодня только в двух странах Европы – в Португалии и в Швеции, социал-демократы возглавляют. Но не однопартийно, как шведы делали, подряд 50 лет. И не как делали португальцы, когда имела место португальская революция и ее последствия. Они только в коалиции с левыми партиями, с еще более левыми. Хотя я небольшой сторонник использования этих терминов – левые или правые. Содержательной стороны нет. Дорогие друзья, давайте решать, что это за левое, в чем оно левое. То ли оно, которое было в Октябрьскую революцию, или которое было после 1945 года, или это сейчас? Что это – левое, и что это – правое?

Я могу сказать точно, если мы будем мерить старыми мерками ситуацию, мы абсолютно запутаемся. Окажется, что самыми левыми сейчас являются, знаете, кто? Ультранационалисты и сепаратисты. Вот те, которые выступают за освобождение Каталонии или за освобождение Шотландии от британского ига. Или, например, если мы будем говорить о националистах, которые выступают за сохранение социального государства.

Подумайте, националисты сейчас являются самыми большими защитниками социального государства, которое, как они считают, разрушают эти самые, как они говорят, орды эмигрантов, которые оттяпывают у коренных жителей, которые создавали это государство – в Скандинавии, или во Франции, где угодно. Поэтому они берут на себя эти функции. Те функции, которые выполняла социал-демократия, сейчас выполняют эти националистические партии.

Сегодня такой результат, что только в двух странах они у власти. В очень слабых коалициях они в Бельгии, в Люксембурге и в ФРГ. Но коалиция в ФРГ – это курам на смех. Только потому, что не договорились между собой, я подчеркиваю, христианские демократы и свободные демократы – это для них было бы самое естественное – появились социал-демократы с «Альтернативой для Германии», которая, кстати, добилась значительных успехов не только потому, что она взяла голоса, условно говоря, справа, у ХДС/ХСС, но и у социал-демократов.

Когда обычный немец видит, что выходит лидер «Альтернативы», и говорит: «Мы за социальное государство, мы за то, чтобы это вам осталось, а не кому-то еще», вот, пожалуйста, они это и получают. Эта ситуация совершенно очевидна. В заключение я скажу, что я не вижу особых перспектив для социал-демократии. Но дело даже не в социал-демократии.

[00:15:04]

Сейчас вся партийная система Европы находится в очень серьезном кризисе, вследствие социальных связей, когда интернет заменяет общение людей, как имело место раньше, напрямую на митингах, на встречах, на съездах, все решается на электронном уровне. Поэтому здесь может кто угодно захватить определенные электронные позиции. Социал-демократия здесь отнюдь не в лидерах, и все остальные партии, которые тоже находятся в кризисном состоянии, но в меньшем, чем социал-демократы, потому что кто-то же находится у власти.

И христианские демократы, и консерваторы, и либералы, если брать Скандинавию и Бенилюкс – там они находятся у власти на первых ролях. Они взяли то, что было раньше у социал-демократов. Видимо, они лучше приспособились к этой ситуации. Как и что, нужно еще думать, смотреть, считать, но когда мы говорим о возможностях социал-демократии в России, мы должны учитывать этот опыт.

Хотя Россия пока, с моей точки зрения, вообще ни для какой партийной системы не готова. Последние выборы это доказывают. Это соревнование личностей, а не идей, это соревнование не организаций, а групп поддержки. Спасибо.

[00:16:21] *Организационные разговоры*

Мужчина: Уважаемый Владимир Яковлевич, считаете ли вы, что современные тезисы социал-демократии базируются на том, что трансформируется экономическая составляющая сути социал-демократии? То есть общество потребления выполнило свою экономическую задачу, и социал-демократия уже... Нет ориентиров, целей, социального и политического развития на то, что ориентировались 50 лет назад. Может быть, ставить новые экономические цели, для того чтобы реанимировать это социально-экономическое движение?

Владимир Швейцер: Это верно, конечно, но надо иметь в виду, что это не на уровне отдельных стран, где эта проблема не выполнена, а на уровне общеевропейских контактов и развития структуры Европы – безусловно. Социал-демократия осталась на национальном уровне, не приспособившись к интернациональному уровню, что, как выяснилось, лучше делают националисты, которые великолепно выстраивают свои связи, причем, с разных стран.

Казалось бы, греческая «Золотая заря», допустим, и партия Марин Ле Пен, когда они между собой договариваются в Европарламенте, вместе голосуют. Хотя, казалось бы, та же Ле Пен кричала: «Нам греки, которые приходят на наши рабочие места, не нужны». Оказывается, очень даже нужны, потому что та же «Золотая заря» считает, что надо поддерживать, с одной стороны, своих греков за рубежом, но не впускать в Грецию мигрантов. На этой анти-мигрантской линии они сходятся, и великолепно себя чувствуют.

Борис Гуселетов: Мне кажется, говорить об экономической базе социал-демократии – это условно, потому что изначально социал-демократы говорили о необходимости развития человеческой личности, и ставили это во главу угла. Их принципы – это свобода, солидарность и справедливость. Они больше говорили о гражданском обществе, о развитии личности. Все-таки экономика – это больше удел консерваторов и либералов. Конечно, я не говорю, что социал-демократы плевали на экономику, тем не менее, это не было их главным фокусом. Их фокус – это гражданское общество и личность.

Владимир Шмаков: Профессор Шмаков, МГУ. В свое время Горбачёв создал социал-демократическую партию. Поехал к Вилли Брандту, вступить в Социнтерн. Вилли Брандт его спросил: «Вы какую партию создали?» Он сказал: «Социальные демократы». А Вилли Брандт говорит: «А мы – социалистические, ты не туда приехал». И Горбачёв проиграл. Но он забрал все у Оболенского, вы знаете эту историю. В каком состоянии сейчас и какова судьба Социнтерна, после Вилли Брандта? Где Интернационал? Мы ничего не слышим о нем.

Владимир Швейцер: Я готов вам ответить. Борис Павлович регулярно в прошлые годы бывал на разного рода таких мероприятиях, являясь ведущим функционером «Справедливой России». Но я, как научный работник, тоже могу сказать вам следующее. Сейчас вообще международные организации в полном загоне. Если черт-те-что происходит в ООН, спорят, нужен ли Совет безопасности, что же вы хотите от Социнтерна? На какой основе им, извините, выработать общие решения, есть ли общие принципы? Когда Африка идет на Европу, она уже не добивается того, чтобы Европа им помогала, а «мы хотим жить в Европе», как же быть с Социнтерном?

[00:20:29]

Сегодня Социнтерн не является какой-либо значимой организацией. Он таковой был в 1970-е – 1980-е годы. Я присутствовал на некоторых, связанных с Социнтерном,

мероприятиях, в Европе, и приезжал в Москву Вилли Брандт – я подарил ему свою книгу, он обрадовался, что кто-то изучает Социнтерн. Но дело не в этом, а в том, что они действительно были видны.

Они занимались, как я уже говорил, важной посреднической ролью. Они были между Африкой, Европой, условно говоря, и Латинской Америкой. Они были между Соединенными Штатами и Россией. А внутри стран они добивались баланса экономического и социального, между людьми, которые жили хорошо, богато, и теми, кто этого не имел. На этом они держались на этих китах.

Сейчас ситуация изменилась. Вы видите, как неопределеннее этот мир, когда какие-то мелкие события – история со Скрипалем даже, вдруг все переворачивает. А какое это имеет отношение к жизни обычных людей в той же самой Европе? Да никакого. Вот националисты на этом играют: ага, они не справились, а мы вам обещаем иную жизнь. Поэтому они и получают голоса в той же Австрии, которой я занимаюсь, они вышли уже на второе место, и вошли в коалицию. Сейчас они очень многое будут определять.

Я уже вижу определенные вещи, которые всем не понравятся, потому что, когда Австрия, и в лице Курца, и в лице лидера социалистов Штрахе выступила с лозунгом, что Крым – это русский, я понимаю, почему. А этого никто не знает, к сожалению. Потому что у них есть свой Крым, он называется Южный Тироль. Вот Южный Тироль – это Крым, потому что сегодня ставится вопрос о том, что Южный Тироль должен иметь австрийское подданство и гражданство, должен опять вернуться в родную австрийскую гавань из итальянской. Такие вещи надо понимать изнутри. Они, к сожалению, не всегда видны, тем не менее, они в какой-то степени очевидны для тех, кто следит каждый день.

Борис Гуселетов: Спасибо!

Мужчина: Руководство есть в Социнтерне?

Борис Гуселетов: Во-первых, вы не совсем точны были насчет Михаила Сергеевича. Я думаю, Борис Федорович еще скажет об этом. Горбачёв не создавал партию социальной демократии, ее создал Александр Николаевич Яковлев. Михаил Сергеевич Горбачёв создал...

Мужчина: Я участвовал в этом процессе.

Борис Гуселетов: А я был заместителем Горбачёва, извините, поэтому я лучше знаю, как называлась партия: Российская объединенная социал-демократическая. Это первое, это просто факт исторический. Второй момент – по поводу Социнтерна. Социнтерн сегодня на самом деле потерял свое влияние.

Два примера. Президент Социнтерна – наверное, никто не знает, кроме меня, кто это – это Георгиос Папандреу, бывший премьер-министр Греции и бывший лидер ПАСОК. Сегодня

это человек, которого в Европе мало кто знает, он даже не является лидером никакой партии. Он является президентом Социнтерна уже шестой или седьмой год. Генеральный секретарь Социнтерна – Луис Айяла, гражданин Чили, занимает этот пост с 1989 года.

Сегодня в Социнтерне серьезный раскол. Социал-демократы Германии вышли, по существу, снизили свой статус с полного члена до наблюдателей. Французы, англичане, то есть все сильнейшие европейские социал-демократические силы находятся в конфликте. Они требуют перемен, требуют ухода этого обанкротившегося руководства. Но это руководство, за счет поддержки со стороны, в первую очередь, африканских и латиноамериканских стран, членов Социнтерна, сохраняются у власти.

Вы можете себе представить, человек, занимающий руководящий пост 29 лет? Ни Брежнев, и никто в Советском Союзе не мечтал о таком. Поэтому, конечно, сегодня Социнтерн совершенно ни на что не влияет. Эти ребята ездят по Африкам, по Ближнему Востоку, рассказывают, какие они великие, а в Европе это – ничего. Это к сожалению.

Я предоставляю слово Владимиру Фоменко, который занимается очень активно более левыми движениями в Европе. Он работает в Фонде Розы Люксембург, но сегодня он представляет себя в личном качестве.

Владимир Фоменко: Добрый день, коллеги, друзья! Я действительно не собирался выступать вначале, тем более, с какими-то установочными вещами. Тут есть большие специалисты по социал-демократии, и вообще по партийному ландшафту. Фонд Розы Люксембург – это немецкий политический фонд, который примыкает к партии Die Linke, левые – это совсем другое политическое направление. Вернее, примерно то же, но несколько иное, мы не социал-демократы, а находимся левее современной немецкой социал-демократии, в лево-социалистическом спектре.

[00:25:16]

Если такое амбициозное название – «Блеск и нищета», если брать по Бальзаку, там есть продолжение, тут, наверное, другие люди должны говорить. В частности, Фонд Эберта глубокоуважаемый, и другие. Но я все-таки скажу пару своих личных соображений, наблюдений, ни на что не претендуя. Во-первых, я полностью согласен... Я больше по Германии буду говорить, потому что у меня нет более широкого фундированного взгляда.

Что касается западноевропейской социал-демократии, я полностью согласен с оценками, которые прозвучали. Я бы их даже как-то драматизировал. Мне кажется, социал-демократические партии в таких странах, как Франция, Нидерланды и Греция, как минимум, вообще пульверизовались. Они растворяются, их почти уже незаметно в актуальной политике этих стран, и в Европейском союзе в целом.

Если возвращаться к социал-демократической партии Германии, надо сказать что она потерпела на последних выборах историческое поражение. Это, конечно, очень неприятно

говорить, здесь никакого злорадства нет. Хотя Die Linke является политическим конкурентом социал-демократов, но все-таки, это историческое поражение, довольно своеобразное, правда. В результате социал-демократы оказались снова в правительстве, и вроде бы все хорошо и в порядке, но конечно, это историческое поражение.

Одна цифра. Начиная с 1998 года СДПГ потеряла половину своих избирателей. Это, конечно, катастрофический удар. Происходит что-то невероятное, и это, конечно, будет влиять в целом на общество, на политическую систему. В чем причина? Я думаю, по большому счету, что последствия нынешней неолиберальной политики, за которую, кстати, в Германии несет социал-демократия, как часть старой большой коалиции, ответственность, привела к тому, что происходит массовая приватизация общественной сферы, гигантское распространение труда, который ничем не защищен – так называемого прекарного труда.

Миллионы людей даже не знают, как можно работать на стабильных, предсказуемых условиях, люди не могут позволить себе элементарные вещи, не могут планировать завтрашний день, не могут оплачивать отпуск. Результатом является то, что любые изменения эти люди рассматривают как угрозу, а не как надежду. Они боятся изменений, идут по накатанной колее, которая отрицает любые изменения. В этом результат социал-демократов, которые потеряли голоса в сторону правых популистов, «Альтернативы для Германии», часть ушла к христианским демократам, часть вообще не пришла голосовать.

На этом я закончу эту часть, и скажу два слова о левой партии. Казалось бы, левые должны были в таких условиях, как минимум 15%, некоторые говорили, даже 20% голосов получить. Тем не менее, они сохранились на старом уровне, скромном, ни на что особенно не претендующем. Анализ результатов выборов в Бундестаг показывает, что появились новые избиратели у левой партии, это, в основном, урбанизированные слои, новые слои, в основном, молодые люди. Это очень хорошо и ценно.

Но одновременно пришлось констатировать, что левые драматически потеряли голоса рабочих, трудящихся, безработных. Причем, как на востоке страны, так и на западе. А это те люди, ради которых левая партия создавалась, и социал-демократия создавалась. Это корневые главные темы – социал-демократия, левых социалистов, коммунистов. Это вопросы социальных прав, вопросы собственности, перераспределения. Вопросы, связанные с поляризацией общества на богатых и бедных, реформа налоговой системы, и так далее. К сожалению, до сих пор левые социал-демократы, и Die Linke тоже, выигрывали, в основном, культурные бои, а экономические бои, в основном, проигрывали.

[00:30:07]

К сожалению, не видно, за счет чего это может измениться. Два слова о том, что может быть в будущем. Вообще, о партиях. Тут сформулирован вопрос: традиционные партнеры, судьба партии, и так далее. Мне кажется, что происходит общее увядание партийной

системы. Это касается не только Западной Европы, а и Восточной Европы. Здесь Борис Павлович и другие говорили о результатах российских выборов. Партии увядают. Есть ли у них будущее? Трудно судить категорично. Наверное, есть.

СДПГ, социал-демократическая партия – одна из скреп общества, если говорить ироничным языком. Это действительно народная партия. Будет очень плохо, если она будет дальше терять голоса, растворяться, голоса будут уходить к правым популистам, к «Альтернативе для Германии», куда-то еще. Это очень плохо для того духовного направления, в рамках которого работает, в том числе, Фонд Розы Люксембург – демократический социализм, социализм XXI века. Как бы его ни называли, я не буду сейчас уходить в эти вещи.

Есть такие идеи, в частности, в левой партии они сейчас активно дискусируются, отходить от партии, поскольку партия показывает какую-то границу дальнейшего развития, и искать какие-то новые объединения, новые коалиции. По-немецки это называется «некие объединения» – Sammlungsbewegung. В рамках левой партии есть сейчас призывы видных деятелей на месте левой партии создать какое-то новое объединение, новое движение, в которое вошли бы социал-демократы, которые уходят из традиционной демократии, куда приходили бы «зеленые», приходили бы новые непартийные слои, альтернативные, и так далее. Это интересная вещь, она очень противоречива, на нее реагируют по-разному.

В конце хочу назвать одну цифру, может быть, она не всем знакома. В ближайшее время в Германии будут земельные выборы в двух землях на востоке, это Тюрингия и Саксония. Последние поросы показывают какую-то совершенно странную вещь. Немецкие наблюдатели это заметили. Die Linke – левые, с одной стороны, и «Альтернатива для Германии – АфГ (AfD), работая совершенно разными методами, в разных политических спектрах, вместе сейчас набирают более 40% голосов. Некоторые даже сейчас говорят: а может быть, эти две партии – они, конечно, никогда не объединятся, но вместе могут получить большинство. На этом я закончу. Спасибо.

Мужчина: В будущем году будут выборы в Европарламент. Как вы думаете, в целом в Европе социал-демократические, социалистические силы сумеют договориться по итогам выборов, чтобы получить очень значимое представительство в парламенте?

Владимир Фоменко: Да, это сейчас важный этап, конечно – выборы в Европарламент. Но пока каких-то объединительных коалиционных движений между традиционной социал-демократией и левыми социалистами объединенной европейской левой партией не наблюдается. По-моему, думают о том, как сохранить то, что осталось.

Борис Гуселетов: Я могу добавить интересные цифры. Социал-демократы сегодня – вторая сила в Европе на общеевропейском уровне, потому что Партия европейских социалистов – это их европейская партия, занимает в Европарламенте устойчивое второе место, хотя и снизила свои результаты. Есть там еще Партия европейских левых и зеленых – она, кстати,

на последних выборах в Европарламент, по сравнению с предыдущими, увеличила свой результат на 50%. Эко четвертая или пятая партия, тем не менее, динамика у европейских левых очень хорошая.

Борис Славин: Меня просили поговорить о России. Я все-таки сначала хочу сказать об общих проблемах, которые здесь уже были затронуты, и актуальны. Почему нищета началась в социал-демократии, с чего она началась? Мне кажется, по двум причинам, прежде всего, идеологическим. Сначала отказ от Маркса и его учения, а затем – и от социализма как категории. Это толкнуло партию в поисках идеологии к либералам, а либералы в то время господствовали, поэтому места социал-демократам оставалось очень мало.

[00:35:28]

Отсюда сразу же вывод: если мы хотим создать социал-демократическую полноценную партию, нужно вернуться к Марксу, нужно вернуться к социализму. Не к тому Марксу, который был приватизирован КПРФ и неосталинистами, которые превращали его в диктатора, а Маркса – автора «Капитала», и особенно неопубликованных рукописей «Капитала».

Почему Энгельс не опубликовал их, я сейчас понимаю. Потому, что он говорил в то время для Энгельса, наверное, чисто фантастические вещи. Он говорил задолго до Форда о возможности автоматизации производства, высвобождении людей физического труда, проблеме безработицы, и так далее. Сегодня мы все эти процессы видим. Дроны, автоматы и прочие вещи, сокращение возможностей для людей физического труда, преобразование самого рабочего класса из людей физического труда в наемных работников, использующих интеллект, и так далее – то, что должно быть социальной базой социал-демократов.

Все эти процессы мы должны возродить идеологически, потому что без идеологии, которая является... Классик говорил, что политика есть концентрат экономики. На самом деле, идеология есть концентрат политики. Если мы не дадим идеологическую базу, достаточно полную и подробную, ясную для людей, за социал-демократами не пойдут. Почему я об этом говорю? Потому, что когда в России создавалась Российская социал-демократическая партия, Горбачёв был инициатором, ни от какого социализма он не отказывался, даже после Фороса он пришел и сказал: «Я верен идеям социализма». А Брандта он цитировал, что нужно обращаться в партии со словом «товарищи», и кто слово «социализм» не может произносить, тот не может быть социал-демократом.

Эта РОСДП пользовалась громадным успехом. Здесь сидят многие люди, которые могут подтвердить: громадная часть интеллигенции пошла в социал-демократию, в 80 регионах столицы создали свои ячейки. Свыше 50 000 членов партии лично написали свое желание стать членом социал-демократии. Но когда правящие силы увидели возрастающую роль,

состоялся разговор между Путиным и социал-демократией, Путин тогда сказал: «Как вы считаете, как у вас идут дела с созданием партии?» Он сказал: «Очень хорошо, в 80 регионах люди пишут собственные заявления в партию, она растет, как на дрожжах, уже свыше 50 000 членов есть». Путин ответил: «А что же вы хотите, у нас народ социал-демократический».

Вот тогда-то я думал, что Путин пойдет по этой линии. Он умеет перехватывать чужие лозунги. Но он пошел по линии консерватизма, по линии религии, веры, по линиям традиций, заговорил о союзе белых и красных, который никак не может у него получиться, и прочие вещи. А социал-демократия была фактически прихлопнута его советниками. Вы знаете, что состоялся суд, и социал-демократическую партию ликвидировали, только потому, что где-то, в какой-то нижней ячейке, не сосчитали энное количество людей. 50 000! А сегодня мы знаем, что партии могут создаваться на уровне дивана, 500 человек достаточно, чтобы создавать партию.

Такова была ее судьба. Это одна сторона вопроса, если смотреть со стороны верхов. А если смотреть со стороны низов, были ошибки и у самой партии. Главная ее ошибка, я считаю – это соединение с яковлевской и титовской партией социального либерализма. То есть фактически наша партия пошла по тому же пути, как и на Западе – переход к либералам. Объединив эти силы, Титов тогда возглавлял социал-демократическую партию...

Мужчина: Партию социальной демократии.

Борис Славин: Но потом он стал руководителем социал-демократической партии, уже объединенной. И когда нужно было решить вопрос, участвовать в выборах или нет, была вынута идея о неучастии социал-демократии в выборах. Таким образом, политически она перестала существовать, и потом ее поэтому прикрыли. Это все нужно знать. Социальная база есть. Какая социальная база в России? Конечно, это люди наемного труда, с интеллектом люди, высококвалифицированные рабочие. Вот среда, в которой нужно работать.

[00:40:00]

Но еще раз повторяю, без идеологии идти в эту среду невозможно. Сегодня кто говорит об идеологии? В основном, консерваторы. Они выступают, Соловьев посвящает дискуссии этому вопросу на телевидении, что без идеологии дальше двигаться нельзя. И опять же, перехват лозунгов. Все это мы должны учитывать.

Несколько слов о том, как я думаю, может возродиться социал-демократия. У нас очень много говорят, тратятся деньги, я думаю, впустую. Нужно начинать так, как начинал Владимир Ильич Ленин. Тот начинал с газеты, мы должны начинать с освоения социальных сетей.

Борис Гуселетов: В Цюрих надо ехать всем.

Борис Славин: Мы должны начинать с создания журнала, он есть уже в электронном виде, называется «Демократия и социализм XXI». Пока мало кто об этом знает, только отдельные люди пишут туда статьи. Но нужно создавать свою идеологию со своими средствами массовой информации, и, конечно, осваивать социальные сети. Сегодня активная часть населения живет в социальных сетях. Не случайно социальные сети были активно использованы в последних выборах президента России. Были созданы целые группы троллей, ботов, которые продвигали одну кандидатуру, и они добились здесь успеха.

Что можно сказать по поводу сторонников социал-демократических идей сегодня? Я думаю, что они сидят в этом зале, но их мало, и в этом, конечно, не блеск, а нищета нашей социал-демократии. Но я уверен, что рано или поздно она должна возродиться, потому что есть та социальная база, которая может ее питать. Здесь большую роль должна сыграть интеллигенция – научно-техническая интеллигенция, учителя, врачи, и конечно, квалифицированный рабочий класс, который все больше и больше становится интеллектуальным рабочим классом. Это та самая социальная база, нужно до нее достучаться, нельзя игнорировать ее.

У нас занимаются партией ради выборов, ради своей карьеры. А нужно работать среди социальной азу. Почему КПРФ теряет свою социальную базу? Потому, что Зюганов встречается с рабочими, а не работает среди рабочих. Вот в чем дело. Мы должны перехватить у коммунистов эту линию, которая была классической среди нашей социал-демократической партии времен XX века, тогда мы будем получать успехи.

Мужчина: Скажите, пожалуйста, что является мотивирующим моментом? Давайте абстрагируемся и подумаем, чтобы (нрзб)[00:42:39], почему я должен прийти и проголосовать за социал-демократию. Что является мотивом, чтобы я свой голос отдал?

Борис Славин: Во-первых, она должна ответить на самые острые идеологические вопросы. Сегодня острый идеологический вопрос стоит так: либо социализм, либо конец человеческой цивилизации. Вы это должны понять. В программе должен быть громадный удельный вес, отведенный этому процессу современной геополитики – куда сегодня, что собой представляет современный капитализм.

Олигархический капитализм сегодня приходит в тупик. Мы видим это, идет дележ рынков, идет передел, резко возрастает конфронтация, которая толкает нас к Китаю, а Китай к нам, Си провозгласил идеологию «Восток – Запад». Конечно, это не самая лучшая идеология, но во всяком случае, мы видим, как мир движется к этой войне. Уже никто не обсуждает, мы вступили во второй этап холодной войны или нет. Это первый вопрос.

Идеологически нужно ответить на ваши проблемы, которые вас волнуют. Я взял сейчас глобальную проблему, но не менее остро сейчас стоят и проблемы внутренние. Ведь революцию делают не бедные, революция делается тогда, когда резко понижается жизненный уровень от того, что было – что происходит сегодня в нашей стране.

Конечно, за первые нулевые годы резко возросла заработная плата многих людей. Сегодня она падает. Не настолько падает, чтобы народ возмущался, но есть другие проблемы. Есть проблема бюрократии, есть проблема, разъедающая общество – коррупция, и так далее, мы видели это на Кемерово. Это вопросы, на которые социал-демократы должны отвечать, прежде всего.

Борис Гуселетов: Борис очень давно занимается историей социал-демократии, теорией.

Мужчина: Вы извините, но вы же знаете, что в социал-демократической партии сейчас существует. Она после того, как закрыли партократию [00:44:46] Горбачёва и Титова, снова Оболенский вернул себе название. Они есть, центры – Нижний Новгород, Самара, у них есть ЦК, есть программа, и они официально являются социал-демократами. Давайте ее возродим, что создавать новую? Они на самом деле социалистические, я их знаю хорошо.

[00:45:07]

Борис Славин: Я просто коррекцию хочу... Никакой официальной программы и партии сегодня нет.

Мужчина: Есть! Есть такая партия.

Борис Славин: Есть отдельные представители. Ко мне неоднократно Оболенский обращался с просьбой...

Мужчина: Я лично с ними знаком.

Борис Гуселетов: Хорошо. Давайте дадим слово Борису Романову.

Борис Романов: Дорогие друзья! Сегодня много говорили о кризисе социал-демократии, социал-демократических и политических партий, которые теряют свою популярность даже в тех странах, где они длительное время существовали, завоевывали большинство голосов. Но я думаю, что нужно говорить не только о социал-демократии как кризисе политического течения. Скорее всего, нужно говорить о большем, о кризисе социалистической идеи. Этот кризис социалистической идеи возник уже в конце XX века, а сейчас это уже наглядно проявилось. В чем проявилось?

Мы знаем, что в XX веке конкурировали два основных социалистических проекта, это коммунистический проект в нашей стране и других странах социалистического лагеря, и социал-демократический проект, который выступал как альтернатива, как демократических социализм. При этом социал-демократия прошла три этапа. Первый этап социал-демократии после Первой мировой войны, до Второй – это была марксистская социал-демократия, это Каутский, они отстаивали идеи марксизма, но критиковали большевистские методы.

Послевоенная демократия – это социал-демократия, опиравшаяся на идеи Франкфуртской декларации Социнтерна, она выступала как социал-демократия кейнсианская, основанная

на идеях экономиста Кейнса. Там было главное – дирижизм в экономике и усиление роли государства, это национализация части экономики. Скажем, лейбористы после Второй мировой войны, правительство Эттли, провели широкомасштабную национализацию. Но к 1960-м – 1970-м годам эта модель, в том числе в Великобритании, пришла к кризису.

Далее возник третий вариант социал-демократии, который связан с манифестом Блэра – Шрёдера. Идея «новый путь», «новая середина – это, по сути, уже переход, социал-либеральный подход, где соединение либерально-экономической политики с социальными реформами. Эта третья модель Блэра – Шрёдера сейчас зашла в очевидный тупик, и отсюда возникает кризис социалистической идеи, поскольку даже в документах Социнтерна социализм не фигурирует. Поэтому очевидно, что социал-демократии нужно трансформироваться.

Мне кажется, что нужно возвращаться к идеям социал-демократии 1950-1960-х годов. Это социал-демократия Кейнса, социал-демократия усиления роли государства, дирижизма в экономике, который мог бы обеспечить реальные социальные гарантии. Сочетание либеральной экономики и социального государства возможно, но в наиболее развитых странах это подвергается кризису, происходит демонтаж социального государства. А в странах, скажем, периферийного капитализма, к которым относится и Россия, и страны Латинской Америки, подобная модель не работает. Это мы видим на примере краха Партии труда в Бразилии, которая погрязла в коррупции и была отстранена от власти.

Что касается России, почему в России социал-демократия не достигла успеха и вообще не сформировалась, хотя есть парламентская партия «Справедливая Россия», которая, тем не менее, даже не участвовала в президентских выборах, как было сказано. Я думаю, здесь надо в большей степени надо говорить даже не столько о том, почему у нас в России нет влиятельной социал-демократической партии. Надо говорить шире, о проблеме становления российской многопартийности вообще.

Мне кажется, что в России многопартийность, если перефразировать классика, о земстве это было сказано – это пятое колесо в колеснице российского самодержавия. А вот политические партии у нас вроде бы существуют, но они – пятое колесо в колеснице супер президентской республики. У нас на выборах вроде бы существует правящая партия – «Единая Россия», она вроде бы имеет конституционное большинство. Но фаворит президентской гонки полностью дистанцировался от всех политических партий. Она не участвовала в президентских выборах, мы не слышали никаких партий, которые поддерживали бы победителя.

Таким образом, возникает вопрос: для чего нужны партии, что они решают, если даже правящая партия не играет первую скрипку? Поэтому стоит вопрос о формировании нормальной, цивилизованной многопартийности, снизу это нужно делать, или сверху. Например, идея, когда тот же Владислав Сурков из администрации президента пытался

создать двухпартийную модель – «Единая Россия» и «Справедливая Россия», как ни относиться к этому, что это сверху формировалось, но это все-таки была хоть какая-то попытка сформировать цивилизованную многопартийную систему, пусть и в рамках управляемой модели. Но и этого не получилось.

[00:50:17]

Мы сейчас отходим, и сейчас непонятно, политические партии для чего, какую роль они играют. Например, лидером «Единой России» является премьер-министр. А если сейчас будет новый премьер-министр, этого нового премьер-министра назначат лидером «Единой России»? Как партия, практически правящая, не имеет своего лидера? Я думаю, российским социал-демократам нужно искать путь объединения всех сил. Сейчас называли группу Оболенского, другие. Есть разные группы, которые выступают за создание социал-демократической партии.

Я думаю, нужно заново создавать социал-демократическую партию, с учетом того, что «Справедливая Россия» будет переформатироваться, потому что сейчас она зашла в тупик, она в кризисе, и власть уже утратила к ней интерес. Поэтому из остатков, может быть, «Справедливой России», у которой тоже есть определенный потенциал, и независимых гражданских социал-демократических инициатив, существует масса различных инициативных групп, оргкомитет социал-демократов еще существует, я слышал, еще какие-то группы социал-демократических активистов, должны создавать организацию.

Но для того, чтобы создавать эту организацию, нужно определиться с идеологией. Либо это будет идеология социал-либеральная, либо это будет, как говорил правильно Борис Федорович Славин, идеология демократического социализма, альтернативная олигархическому капитализму, и капитализму вообще. Спасибо.

Борис Гуселетов: Теперь я предоставляю слово Михаилу Илларионовичу Воейкову. Потом я попросил бы подойти Олега Олеговича Комолова, а после него – Юрий Григорьевича Павленко.

Михаил Воейков: Проблема уже давно обсуждается. Но лет 20 назад, когда был профессор Дзарасов Солтан Сафарбиевич, который организовал одну из первых социал-демократических партий еще в советский период, в горбачевский, он сказал правильную мысль. Почему социал-демократия не блещет, гламура мало? Потому, что все задачи, которые она ставила в начале XX века, выполнены. Восьмичасовой рабочий день, пособие по безработице, социальное страхование и прочее.

Я прочитаю слова Вилли Брандта: «Современные социал-демократы вполне согласны с традиционной целью своей партии. Это утопия социального строя без эксплуатации, без унижения, без нужды, общество свободных и равных, в котором свободное развитие

каждого и каждой (немцы отделяют мужчин и женщин – прим. Воейкова) является условием свободного развития всех».

Последняя фраза – это пересказ Манифеста Коммунистической партии, но можно сказать, что эти все требования почти, если слово «эксплуатация» убрать, почти все выполнены. Я хочу это показать на примере государства. Если либерально-экономическая концепция считала и считает, что государство должно быть минимальным, что оно должно вообще не мешать бизнесу и вообще людям жить, то за весь XX век, по признанию самих экономистов, государство стало всеобщим.

Я зачитаю, американец Фикс пишет: «Конец XIX и весь XX век был периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан. Даже просто перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы, магазины, жилища, школы и больницы, науку и технологии, даже отдых и развлечения». Это он про Америку пишет.

Другой американец пишет: «Федеральное правительство ежегодно издает тысячи правил, регулирующих все, от загрязнения подземных вод до проверки куриного поголовья в домашнем хозяйстве». Он пишет, что живет в одном квартале, где на любое изменение внешнего вида наших домов, от цвета оконных рам и размера цветочного горшка, надо получить разрешение комитета по архитектуре.

Это в Советском Союзе не было указаний от государства, какой у вас должен цветочный горшок на окне стоять, и сколько кур должно быть в домашнем хозяйстве. Более того, меня это поразило, другой американец пишет: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала, по меньшей мере, 10% мяса». Это государственный норматив. А где рынок тогда в США, спрашивается?

Если рынок, как учат либеральные экономисты – невидимая рука рынка делает так, что от производителя некачественной пиццы с малым количеством мяса потребитель должен отвернуться, и покупать пиццу, где мяса побольше будет, и невидимая рука рынка наведет. Нет, в США, пожалуйста, Министерство сельского хозяйства выпускает норматив, по которому заставляет всех частных производителей следовать в производстве такой ерунды, как пицца. То есть все требования, которые социал-демократы когда-то ставили перед собой, они, пожалуйста, в США выполняются.

Я бы хотел привести еще, кто был первоначальным социал-демократом. Если читать Вилли Брандта, он упоминает Бисмарка, немецкого канцлера. Он приводит слова Бисмарка: «Я же с самого начала говорил, что государство не может существовать без наличия некоторого социализма». Если сейчас государство США регулирует все, начиная от куриного поголовья в хозяйстве и размеров цветочного горшка до пиццы, сколько там должно быть мяса и

прочего, то говорить о том, что рынок там остался и что-то делает, просто бесполезно. То есть все требования, которые ставила перед собой социал-демократия, выполнены жизнью.

Там, конечно, сейчас появляются новые требования, здесь о них уже говорили, и социал-демократии надо уже о них задуматься. Я имею в виду миграцию, особенно в Европе, но и в России тоже эти проблемы возникают. Но самые главные проблемы, которые ставила перед собой социал-демократия, выполнены. Причем, благодаря социал-демократии и другим левым партиям, но выполнены и теми партиями, которые всегда были у власти.

Напоследок я зачитаю одну цитату, а вы подумайте, и угадайте, кто ее сказал: «Как бы то ни было, но факт есть факт: в нашей стране мы просто не можем позволить себе роскошь иметь ориентированную на прибыль экономику, которая хотела бы быть более американской, чем сами американцы». Кто это сказал?

Мужчина: Рузвельт?

Михаил Воейков: Нет, не Рузвельт. Это сказал Вилли Брандт 8 мая 1949 года. Спасибо.

Мужчина: Вы говорили об идеологии. Я совершенно с этим согласен, что она, наверное, необходима. Подтверждением этому является итог президентских выборов, что все голосовали за гордость, за возрожденную Россию. Если проследить всю историю нашей империи, советской, русской, наибольшего расцвета она достигала только тогда, когда не было никаких партий[00:59:20].

Власть была в одних руках, и получались максимальные результаты, в том числе и для населения. Может быть, вообще от партий отказаться? В каком виде идеологию представить? В этом заключается мой вопрос: может быть, вообще партия не нужна, а нужна идеология? А как она будет реализована – это вопрос, наверное, уже к вам. Если вы не согласны, оппонируйте, пожалуйста.

Михаил Воейков: Конечно, большим начальникам лучше бы жить без партий всяких, удобнее. Но если социал-демократия все-таки ставит свободу и демократию превыше всего, как Роза Люксембург говорила: «Социализм и демократия – это тогда, когда есть свобода у инакомыслящих». Если в обществе есть инакомыслящие, есть дискуссии, есть противостояние мнений, тогда общество найдет правильный путь развития. А когда во главе общества стоит диктатор – да, гениальный диктатор может на какое-то время вывести страну, навести порядок, но долго так не протянет все. Мы знаем на опыте России и Советского Союза, и до Советского Союза, что у нас были диктатуры, на какой-то период порядок наводился, но потом все кончалось довольно плохо.

[01:00:44]

Мужчина: Наверное, потому, что умирал диктатор.

Михаил Воейков: Он становился старым. А старый диктатор намного хуже молодого.

Борис Гуселетов: Любой диктатор умирает.

Мужчина: Товарищ хочет бессмертного.

Борис Гуселетов: Я предоставляю слово Олегу Олеговичу Комолову. Коллеги, я хотел бы в дополнение к вашему вопросу сказать, что если вы посмотрите на историю XX века, когда большинство государств стали переходить к многопартийным системам, они остались очень устойчивыми. А Россия за XX век пережила два огромных кризиса, революции и распада государства. Поэтому разговора о том, что у нас все так было успешно, я бы поостерегся.

Мужчина: Если две войны пережило государство, и если...

Борис Гуселетов: Тем не менее, оно распалось дважды.

Мужчина: Сами эту войну и придумали.

Олег Комолов: Добрый день, уважаемые коллеги! Меня зовут Олег Комолов, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Мне представляется, что в социал-демократическом движении всегда очень остро стоял следующий предмет дискуссии: реформа или революция. Последовательное, постепенное изменение, улучшение, реформирование, или же резкая смена системы, кардинальное ее переустройство.

Сегодня на Московском экономическом форуме, на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе звучало много предложений по реформированию нашей экономики. Известные профессора, академики озвучивали очень много здравых идей, каждая из которых действительно заслуживает обсуждения, и вполне вероятно, смогла бы сдвинуть ситуацию в нашей экономике с мертвой точки.

Однако возникает вопрос, кто будет осуществлять все эти реформы, есть ли в нашей стране какие-то силы – социальные, политические, экономические, которые, во-первых, заинтересованы в этих переменах, а во-вторых, способны их реально реализовать на практике. Мне, к сожалению, представляется, что в современной России таких нет, и надежд на реформы у нас просто не остается. Я бы хотел сегодня проиллюстрировать эту ситуацию на примере некоторого эмпирического материала по российской экономике в контексте трансграничного движения капитала.

На слайде представлена всем известная статистика, это данные по чистому оттоку частного капитала из российской экономики. Это чистый отток. То есть разница между оттоком и притоком. Обратите внимание, что это практически всегда положительная величина на протяжении последних 20 лет. Только накануне кризиса 2008 года, мы видим 2008-й и 2007 годы, когда в Россию приходил иностранный капитал, но это накануне мирового финансового кризиса, когда западные рынки уже, извините за выражение, пухли от

притока финансовых активов, надувались пузыри, и капитал стал переходить из центра на периферию. Но ситуация отыгралась очень быстро, за 2008 год мы потеряли 150 млрд долларов. А в 2014 году еще больше, за один год, из нашей экономики ушло денег.

Куда же уходят эти активы? Не открою Америку, уходят они в оффшоры. На слайде представлена структура оттока капитала из российской экономики – то, что в статистике Центрального банка именуется исходящими инвестициями. На самом деле, на 70% уходит или в классические островные оффшоры – то, что нам известно в плане всяких Каймановых островов, Бермудов, и прочих юрисдикций.

Еще в значительной степени, это красные кусочки этих столбиков, деньги уходят в так называемые оффшоры – проводящие страны, в перевалочные пункты капитала, где они не остаются, а уходят дальше, и превращаются в покупку иностранных вилл, футбольных клубов, яхт, островов. Это такие страны, как Швейцария, Великобритания, Австрия, Нидерланды, и другие мировые финансовые центры.

70% капитала из России уходит непонятно куда. Это не является инвестиционным приложением денег, это не возвращается в Россию в виде каких-то дополнительных доходов. Капитал в одностороннем порядке уходит из России. Вопрос: является ли эта проблема для России уникальной? Нет, не является. Россия – представляя собой часть мировой периферии, или полупериферии, это уж в зависимости от того, как мы ранжируем страны – находится в рамках этих закономерностей.

Очень характерная таблица, обратите внимание, здесь страны по методологии Валлерстайна ранжированы по принципу «центр – периферия». Обратите внимание, по такому показателю, как соотношение совокупного внешнего долга к ВВП развитие страны, центры мирового капитализма, значительно опережают страны периферии. У всех развитых стран мира высокий уровень внешнего долга, у некоторых достигает почти 300% ВВП. А страны периферии, наоборот, выступают в данном случае как страны, не привлекающие долги, а наоборот, выступающие в роли кредиторов, центров. Очевидно, капитал идет из периферии в центр. Периферия выступает кормовой базой для экономик центра.

[01:05:47]

Вот еще один график, который показывает, откуда эти деньги берутся. Красная линия идет в зоне положительных значений, это совокупное сальдо платежного баланса стран периферии, оно положительно. Оно стало чуть-чуть падать в условиях кризиса, потому что упали экспортные доходы стран. Но практически зеркальным мы видим отрицательным сальдо торгового баланса стран центра. То есть фактически страны центра должны странам периферии, этот отток идет в одностороннем порядке, из периферии в центр.

Возникает вопрос, что с этим делать, как с этим бороться, и можно ли бороться вообще. Послушать наших высших чиновников, и президента, и премьера – все говорят про необходимость привлечения иностранных инвестиций, про необходимость возврата капитала в Россию, его репатриации. Недавно президент объявил о программе, создаются благоприятные условия для того, чтобы капитал возвращался в Россию, амнистия капитала. Но что-то не очень получается, потому что, на мой взгляд, это все – пустые слова, которые совершенно не соотносятся с действительностью.

Российскому правящему классу выгоден отток капитала, и крупному бизнесу – олигархам, и государственным деятелям, чиновникам, потому что это позволяет нашей периферийной экономике достичь очень важной цели, которая ставится перед ней местом разделения международного труда. Как и всем другим периферийным экономикам, российской экономике, российскому государству, в рамках проводимой экономической политики выгодно искусственно занижать курс национальной валюты. Курс российского рубля вдвое занижен относительно паритета покупательной способности, и это позволяет делать российский экспорт более конкурентоспособным.

То есть фактически страны периферии вступают друг с другом в борьбу, в конкуренцию за право продать свой товар странам центра. Поэтому приток капитала в эти страны очень невыгоден, неприемлем, он будет означать укрепление курса национальной валюты. Поэтому все страны периферии активно от своего капитала избавляются. Государства не препятствуют вводу капитала из Китая, из Индии, из Бангладеш, из России и других периферийных стран в центр. Более того, и сами это делают.

Обратите внимание на очень характерный слайд. Синие столбики на нем – это столбики с первого слайда, они показывают частный отток капитала, а линии, зеленые и красные показывают те инструменты, с помощью которых государство само выводит капитал из нашей страны. Зеленая линия показывает выплату государственного долга. 150 млн долларов он составлял на конец 1990-х годов, а сегодня существенно снизился, около 16% ВВП, очень низкий уровень относительно стран центра. Вывод капитала путем выплаты государственного долга.

И красная линия – Центральный банк активно наращивает золотовалютные резервы, выкупая доллары на валютном рынке, создавая искусственный дефицит доллара, искусственно завышая его курс, естественно, откладывая эти доллары в резерв, так же выводит их из страны. Фактически это тоже отток капитала, только государственными каналами.

Если все это объединить, государственный и частный каналы оттока капитала, то мы увидим, что за 20 лет из России было выведено более 1 трлн долларов в одностороннем порядке. Они не были вложены в наше развитие, они были инвестированы экономики

западных стран, и работают на их инфраструктуру, на их экономику. Отсюда возникает вопрос, можно ли решить эту ситуацию реформами.

На мой взгляд, нельзя, здесь нужно коренное, фундаментальное, тектоническое перестроение этой системы. И рассчитывать на волю правящего класса, к которому мы часто обращаемся на таких конференциях, мне кажется, было бы не совсем дальновидно. Спасибо.

Михаил Митрофанов: Митрофанов Михаил, профсоюз работников РАН. Скажите, но такое тектоническое движение тогда должно быть в мировом масштабе? Оно бесполезно внутри страны. Я неправильно понимаю?

[01:10:04]

Олег Комолов: Скажем так. Оставаясь в рамках международного разделения труда, оставаясь в рамках ВТО и сохраняя политику по либерализации потоков капитала, товаров и услуг, мы не сможем преодолеть эту ситуацию. Для того чтобы коренным образом поменять ситуацию в экономике, нужна, в определенной степени, автаркия, нужен расчет на собственные внутренние ресурсы, они у нас пока есть – интеллектуальные, финансовые, промышленные.

Но, опять же, это в полной мере противоречит позиции правящего класса, который свое будущее ассоциирует с Европой, с Соединенными Штатами, и, конечно, не будет с ними ссориться, вступать с ними в конфликт. Здесь они только – ну, слово «зарабатывают» не подходит, а получают деньги. А тратят и хранят их за рубежом, мы для них только лишь кормовая база.

Женщина: Самарский университет профессор кафедры. Почему вы не исследовали, сколько инвестиций из-за рубежа поступлено здесь?

Олег Комолов: Посмотрите, первый слайд – это чистое движение капитала. Да, конечно, есть капитал, приходящий в Россию, есть исходящий. Но разница между ними за 20 лет составила 1 трл долларов не в нашу пользу. Мы отдали миру больше, чем от него получили.

Женщина: Но в последнее время тенденция такая, что в нас вкладывают. Инвестиции зарубежные увеличиваются.

Олег Комолов: Посмотрите. Положительное сальдо платежного баланса сократилось, отток капитала снизился. Но, извините, и цена на нефть снизилась, нечего стало вывозить.

Борис Гуселетов: Я предоставляю слово Юрию Григорьевичу Павленко.

Юрий Павленко: Уважаемые коллеги! Так получилось, что я прослушал некоторых своих коллег, товарищей – они вписываются в мои тезисы. Начиная с профессора Воейкова, когда он говорит, что решены были те проблемы, которые ставила социал-демократия, поэтому

она потеряла смысл. Но я это формулирую так. Социал-демократия – это партия индустриального капитализма развитых стран. Это отношение к Комолову – то, что он сказал. Именно развитых стран, а не просто всех стран, потому что действительно существует такая архитектура мировой экономики, когда развитые страны паразитируют на остальном мире.

Второе, связанное с этим. Есть такое выражение, что социальное согласие в капиталистическом обществе возможно только когда капиталист напуган. В этом смысле, к сожалению, здесь об этом не говорилось, что многие успехи социал-демократии в западном мире в XX веке в значительной степени определялись тем давлением существования Советского Союза и тем страхом перед большевистским влиянием, которые существовали, включая известный «Новый курс» Рузвельта в 1930-е годы.

Как пример, можно привести шведскую социал-демократию, которая находилась у власти с начала 1930-х годов. Я посмотрел статистику, оказывается, Швеция лидировала по интенсивности забастовочного движения в 1920-е годы. А в результате этого социал-демократического консенсуса, который образовался, она перестала лидировать, и уже в 1940-1950-е годы вырулило в совсем другое направление.

Еще один тезис. Мне кажется, что любая партия, так же, как любая организация, любой живой организм, имеет свой жизненный цикл. Здесь очень важно, профессор Славин Борис Федорович говорил, что надо обновление, и так далее. Мне кажется, это очень сложная задача – войти в реку дважды, под вывеской социал-демократии решать какие-то проблемы. Я сосредоточил свое внимание на будущем: какие, собственно говоря, проблемы может решать социал-демократия?

Когда мы говорим о постиндустриальном обществе, оно действительно формируется в развитых странах, мы забываем о политэкономическом аспекте, о политэкономических отношениях в этом постиндустриальном обществе. А суть заключается в том, что в экономике знаний, в обществе знаний уже отношения наемного труда сковывают рамки развития общества и экономики, потому что люди, занятые интеллектуальным трудом, обладающие специфическим капиталом – знаниями, уже не могут работать просто как наемные работники.

[01:15:21]

Здесь уже отношения объективно должны выстраиваться – партнерство между капиталистом, владельцем капитала, и этим наемным работником. Тот же капиталист уже должен делиться сверхприбылью, потому что эти так называемые инноваторы, креативный класс, люди, обладающие знаниями, создают сверхприбыль. Это проблема, мне кажется, должна решаться в будущем в переформатировании производственных отношений в обществе.

Сюда же входят и вопросы идеологии. Если социал-демократы не стеснялись, говорили: «мы строим общество потребления». С моей точки зрения, общество потребления так же уходит в прошлое, как и индустриальное общество. Постиндустриальное общество – это не общество потребления, это общество творчества, инновационное общество. Это очень сложная вещь, не всегда люди понимают.

Я задаю некоторым вопрос, тезис высказываю, что культурный человек не нуждается в богатстве. Примерно половина со мной согласна, а может, даже больше, потому что нормальный человек нуждается в благосостоянии, но не нуждается в роскоши. Роскошь, богатство – это атрибут прошлого, когда человек, если у него не было куска земли, считался каким-то разночинцем второго сорта. Кто сейчас интересуется, есть у человека земля или нет? Сейчас интересуются деньгами. Но я думаю, общество будет развиваться таким образом, что это расслоение...

Я это говорю, потому что у нас часто самая актуальная проблема – это проблема неравенства. Но мне хочется поставить эту проблему неравенства на объективную основу. Не чисто морализаторство, как нехорошо, и так далее, а на воспроизводственные основы. Неравенство неэффективно с точки зрения воспроизводства. И с точки зрения производственных отношений, которые диктуются постиндустриальным обществом.

Завершая, я хочу сказать, мне кажется, что социал-демократии следует обратить внимание на положительный пример китайской коммунистической партии. В каком смысле? Оставив свой бренд, китайская коммунистическая партия, зная, какие задачи перед ней стоят, зная, в каких сложных, конкретных условиях она находится, находит выход, то есть предлагает очень интересный путь, направление, и народ ее поддерживает. То же самое, не копируя, мне кажется, можно делать и нашей российской социал-демократии. Спасибо.

Борис Гуселетов: Я бы добавил, что китайская компартия тоже до последнего времени исповедовала принцип смены руководства. Это, конечно, был не демократический способ, тем не менее, в течение последних 20 с лишним лет регулярно менялось руководство. Я недавно прочитал очень интересные цифры, как менялся рост ВВП. Самые высокие изменения роста ВВП пришлось на время Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя, порядка 300-400%. У Си Цзиньпина, кстати, только 80%, за его период правления.

Борис Славин: Я согласен с вами, что мы идем в будущее, где главную роль будет играть творчество, знания, и так далее. Но во-первых, этот путь еще далек. Центр тяжести эксплуатации переносится с севера на юг, этого нельзя отрицать, я имею в виду африканские страны. Так что, прошлые проблемы остаются.

Во-вторых, да, общество потребления – это некий промежуточный этап развития человечества. На смену ему должно прийти реальное гуманистическое общество. К этому нас толкает развитие производительных сил, переход к дронам, автоматизации, и так далее. Но этим и должна заняться социал-демократия, она должна показать это знамя, во

имя чего идет. Знамя, которое не выдуманное, а знамя, которое базируется на реальных движениях современного общества.

Да, потребительство зашло в тупик, мы это видим и на нашей стране. Но что вместо потребительства? Конечно, творчество, конечно, всестороннее развитие личности, конечно, интеллект, креативщина, и так далее. Это и должно быть предметом социал-демократической программы.

Юрий Павленко: Борис Федорович, то, что я бы дополнил к тому, что вы говорили. Речь идет о том, что нужны механизмы этого перехода. Вы просто сказали: вот мы там к социализму, марксизму... Очень сложные тонкие механизмы. Я считаю, что это будет очень длительный процесс посткапиталистического развития, но мы в начале пути. Спасибо.

[01:20:12]

Борис Гуселетов: Геннадий Владимирович Гудков, депутат в четырех созывах Государственной думы. Пожалуйста!

Геннадий Гудков: Я внимательно слушал всех докладчиков. Я хотел бы обратить внимание на следующие вещи. Мы как-то привыкли говорить о чужих проблемах. В Европе партии угасают, социал-демократии проигрывают. Нам бы дорасти до этой Европы, чтобы у нас партии появились. Нам до угасания еще далеко, у нас их еще просто нет, партий. Нам бы вообще их создать.

Обратите внимание, я со всем уважением к Московскому экономическому форуму, кто у нас присутствует в зале? Эксперты выступающие и энтузиасты. Неинтересно. Ни блеск не интересен, ни нищета социал-демократии, почему не интересны? А потому, что в России нет политики, она уничтожена. Споры между социал-демократами, христианскими демократами, либералов с социалами – как угодно называйте, но это примерно такой же спор, как спор людей вокруг фасона обоев при не построенных стенах. Можно сколько угодно спорить, какие шторы вешать, и как они будут сочетаться с полом и потолком, а если ничего нет, что строить, что вешать?

У нас сейчас там круглый стол «От развития к деградации», или «От деградации к развитию», не помню, потому что, кроме деградации, я ничего не вижу, мне кажется, он больше соберет участников. Они хоть там иллюзиями себя тешат, что можно как-то развить систему экономики при деградирующей политической системе и узурпации власти.

Безусловно, исторические споры важны, историю знать надо. Но не надо на ней циклиться, как называлась партия, и кто куда послал. Вы знаете, это никому не интересно. Конечно, есть объективные причины, почему социал-демократия в России не развивается. Понятно, что причина – это отсутствие условий для политической деятельности, отсутствие условий для политической конкуренции. Отсутствие лидеров, которые выковываются в

политической борьбе, которых у нас нет. Раз борьбы нет, значит, нет и лидеров. Мы с вами находимся даже не в начале пути, а даже не знаю, как это назвать.

Тут говорили, какие исторические поражения были в России – я думаю, что главные два поражения были в России. Это в 1905 году, когда царь отказался сдать власть Учредительному собранию, могла бы быть другая мировая история. А вторая – когда в 1993 году была расстреляна российская демократия, окончательно похоронена, и была принята монархическая конституция, поставившая, по сути, крест на российской демократии, что мы с вами сейчас прекрасно наблюдаем.

Просто потребовалось некоторое время номенклатуре восстановить свое господство и убить все демократические институты, которые в России существуют. Поэтому без смены власти, без построения основ демократического общества никаких перспектив у социал-демократии в России нет и не будет, совершенно очевидно.

Тем не менее, социал-демократия, как это ни парадоксально, я говорю для наших лекторов-энтузиастов и экспертов, является самой массовой идеологией среди тех граждан России, которые вообще имеют какие-то идеологические мировоззрения. У нас примерно 30% считают себя приверженцами какой-то идеологии, и 70% говорят: «Нам все по барабану, лишь бы вода из крана лилась, и можно было колбасу с хлебом купить в магазине».

Из этих 30%, которые как-то определились в своих политических мировоззрениях, самая большая группа относит себя к социал-демократии. Не к коммунистам ортодоксальным, и не к приверженцам Путина, и даже к националистам, что многих пугает, а вот к социал-демократии.

Обратите внимание на Грудинина. Только что мы с ним встречались, беседовали, он находится здесь в этом комплексе, договорились продолжить дискуссию. Вот пришел нормальный, вменяемый, адекватный человек. Я его давно хорошо знаю. Это человек, который очень многое сделал, будучи капиталистом, для своих сотрудников. Построил прекрасные комплексы, дворцы культуры, спортивные сооружения, почти всем сотрудникам дал квартиры, и так далее. То есть не разложил в карманы прибыль, которая свалилась ему в виде огромного куска как владельцу самой дорогой земли в Подмосковье, а еще и вложил огромные средства в социальную инфраструктуру.

[01:25:12]

Вот только он заявился – сразу был эффект, потому что все увидели нормального, вменяемого человека, который не ходит с хоругвями в день рождения Сталина, не кричит о том, что ГУЛАГ – это порядок, давайте вернем этого палача и упыря на трон. Был эффект такой, что люди подумали, и говорили: «Будем голосовать за Грудинина».

Если Павел Николаевич, при всей моей личной любви к нему, остался бы самим собой, а не стал поддакивать, подвякивать этим сталинистам и говорить о внешнеполитической повестке, не говорить о том, что можно сделать в нормальной стране при гигантских природных ресурсах, он бы даже при этих фальсификациях и прочих административных ресурсах взял бы, наверное, раза в два больше голосов, потому что люди хотят иметь нормальное социальное государство, не ворующее, которое подконтрольно, и которое может предложить высокие стандарты жизни.

Мы говорим о кризисе партии. Я как-то имел дискуссию с одним известным – не буду называть фамилию – царедворцем. Он говорит: «Геннадий, да какие партии! Ну, что партии, вот давай по-честному. В мире существует два типа партий: партии более высоких налогов и партии менее высоких налогов. И они, друг друга сменяя, обеспечивают баланс интересов. Приходит партия капитала, которая начинает снижать налоги – начинается экономический рост. Когда идет экономический рост. Появляется разделение в доходах. Приходит другая партия, которая начинает это выравнивать. В этой смене есть диалектика экономического развития».

Когда говорят о кризисе партии, я понимаю, партии не исчезнут никогда, потому что это единственный универсальный механизм формирования государственной политики. Другого-то нет ничего. Ну, будут они в интернете, будут они в виртуальной действительности. Все равно останутся структуры, которые ставят своей задачей формировать политику и добиваться через механизм государственной власти ее реализации. Ничего другого нет.

Поэтому социал-демократия в России востребована. Она никем не представлена. Я сказал, что не только условий нет, нет лидеров. Посмотрите нашу аудиторию, где у нас молодежь, 30-40 лет? Вот, одна рука. Еще замечательная девушка сидит, которой поручено сидеть на всех наших мероприятиях, начиная от китайского пути развития, кончая блеском и нищетой социал-демократии. Нет молодежи, нет молодых лидеров, они не появляются, вся поляна вытоптана.

И еще почему нет социал-демократии – нет ресурсов. Вот либеральные круги – у них есть какие-то ресурсы, какие-то СМИ, какие-то сторонники, а социал-демократы более нищие, так сказать. А в условиях тотального вытаптывания политической поляны даже минимальных ресурсов социал-демократы не могут найти, чтобы объединиться, создать какой-то форум, сайт дискуссионный, клуб. Мы пробовали, Плехановский клуб – ну, да, собирали примерно ту же самую аудиторию, и друг друга убеждаем в том, что социал-демократия – будущее. А может быть, у нас в России и вообще будущего нет.

Сейчас говорят: «А что будет дальше?» Кто виноват – понятно, узурпация власти, которая происходит в России на протяжении последних шести-восьми веков, это главная причина всех наших трагедий, многомиллионных жертв, поражений, стратегического отставания от

Запада, и так далее. Другой причины нет, только узурпация политической власти. Когда мы избираем или формируем очередного царя, молимся на него, он постепенно превращается сначала в бронзовую фигуру, а потом в какого-то тирана, палача, диктатора, или еще чего похуже. Хотя не знаю, что еще может быть хуже.

Что делать? Вот сейчас мы видели «замечательные» выборы нашего президента, как из ружья, народ шел, голосовал за сильного лидера, который сможет противостоять Западу. А кто у нас вообще сегодня на этом фланге, на левом? Ну, КПРФ. Всерьез относить КПРФ к социал-демократии нельзя, это ортодоксальный коммунизм в худшем плане этого слова, который адаптировался к этим условиям, найдя смычку с действующей властью в имперских амбициях, эксплуатируя эти имперские амбиции. И ортодоксальное видение мира, которое присуще определенной части нашего населения, все еще не расставшееся с идеологией СССР, к сожалению.

Там есть социал-демократы, но они никакую погоду там не делают, ни на что не влияют. Великолепный ход Зюганова, который, с одной стороны, знаете – беспроегрешная партия: я вот начальник штаба Грудинина, если Грудинин наберет много голосов, это все я, а если он наберет мало, я же вам говорил, что лидер должен идти, а не какой-то там Грудинин, который даже такой замечательный, симпатичный и современный.

[01:30:14]

Второе. «Справедливая Россия» – забудьте это словосочетание. Молча, не чокаясь, выпить. К этому все шло, об этом мы давно говорили, это произошло. «Левый фронт» – ну, что такое левый фронт? Группа вокруг Сергея Удальцова, там есть ребята талантливые. Был там Шаргунов, был там Захар Прилепин, может быть, сейчас и есть. Но они шарахаются от национализации и конфискации до имперских амбиций, восстановления империи.

Поэтому, по большому счету, на этом фланге вообще ничего нет. И все попытки там создавать еще сталкиваются с сопротивлением властей. Почему? А власти хочется самой имитировать социальное государство. Раздавать подачки – у нас же народ привык к подачкам от государства, таким образом покупать лояльность – и как-то сглаживать противоречия. Поэтому еще огромное сопротивление самой власти.

Мы попробовали с Глебом Фетисовым сделать социал-демократическую партию – его посадили через три недели на полтора года. Руслана Кутаева, который у нас занимался Кавказом, посадили через два месяца на четыре года. И там были другие санкции в отношении наиболее активных членов. Я не знаю, почему я еще на свободе. Как говорится, это не моя заслуга, а чья-то недоработка. Так у нас реагирует власть на попытку создания массовых социал-демократических партий.

Что делать, и что может быть представлено в ближайшее время? Совершенно очевидно, что тот протест белоленточников, который выдвигал политические требования честных

выборов, демократической страны, и так далее – он выдохся, потому что он сломлен. Кого-то там посадили, кого-то убили, кого-то выдавили из страны, кому-то заткнули рот, и так далее. То есть политических требований, как таковых, нет. Да, есть какая-то пропорция людей, которая не может сейчас повлиять, не может плетью перебить этот обух власти захваченной системой захвата власти.

Поэтому совершенно очевидно, что будет развиваться массовый социальный протест, экологический протест. Мы видим, что творится в Волоколамске, что творится в Коломне, в Ногинске, и так далее. Мы видим, что экологические протесты, социальные протесты, протесты во дворах, протесты против локальных каких-то действий власти будут нарастать. На Кавказе будут свои проблемы, еще более острые, чем в России.

Вот в этот протест надо идти. Да, там не очень ждут политиков. В Волоколамске предложили, чтобы приехал Алексей Навальный. Ну, и там сказали, что «мы вне политики, мы сейчас отстаиваем интересы своего двора, и разойдемся, как при пугачевском бунте, по домам». Тем не менее, идти надо. Люди очень быстро политизируются.

У нас тоже химкинский протест начинался с экологии, дайте нам детские коляски, здесь возить по химкинскому лесу, с детьми гулять. А кончился жестким оппонированием власти, жесткой критикой власти. Все равно идет политизация. Люди начинают политизироваться, потому что начинают понимать, кто виноват, почему это все происходит. Другого варианта нет. Наверное, надо пытаться отрывать от действующих левых структур каких-то нормальных, вменяемых, адекватных людей. Это возможно внутри КПРФ, внутри каких-то других небольших структур. Другого варианта я не вижу.

И последнее, что будет у нас из организационного. У меня будет беседа с Грудининым, мне интересны его дальнейшие планы. Мы договорились, что не на ходу это обсудим. Может быть, что-то возникнет интересное, а может быть, и нет. По крайней мере, я буду знать чуть раньше, чем вы, вы узнаете чуть позже. По крайней мере, надо поговорить на эту тему, будет очень интересно.

И, безусловно, сейчас создается «Партия новых поколений». У нас же вся оппозиция хуже Путина. Мы только что говорили о том, что если Путин 19 лет у власти, то лидеры наших оппозиционных партий по 25-27 лет, ничем не отличаются их партии от системы, которую выстраивает Путин. Хотя Путин – это облегченный вариант тоталитарного режима.

Естественно, создаются новые партии новым поколением. Да, я понимаю, что это вызывает определенные сомнения, тем не менее, там Собчак, Гудков, и так далее. Я думаю, в этой партии совершенно точно не будет право-либеральной, она по планам, по консультациям, будет все-таки ближе к центру. Вполне возможно, я даже в этом практически уверен, что там возникнет какое-то социал-демократическое крыло или подразделение.

Я надеюсь, что в эту структуру или в эту партию, придет, в том числе, и молодежь. Нам крайне необходимо искать молодежь. Ее много, но она не организована, нам очень сложно. Наверное, будет какая-то структура, которая политически... Может быть, Дмитрий Гудков возьмет на себя функцию курирования этого социал-демократического направления в новой создаваемой «Партии перемен». Это условное название, она строится на базе гражданской инициативы. Вполне возможно, что мы там найдем с вами какую-то политическую форму выражения наших взглядов, мыслей, планов. Вот коротко, что я хотел сказать. Спасибо.

[01:35:57]

Мужчина: Уважаемый Геннадий Владимирович, спасибо за интересное выступление. На каком историческом опыте основана сменяемость партий у власти с большими и малыми налогами? На опыте какой страны? Вы говорили, что вы с кем-то общались.

Геннадий Гудков: Германия, Австрия, Франция, Соединенные Штаты Америки.

Мужчина: Все, это я хотел узнать.

Геннадий Гудков: Там демократы и республиканцы отличаются подходом к налогам. Сейчас Трамп пришел к власти, он проводит довольно радикальную налоговую реформу, снижая в среднем бремя. Там примерно 33% компании платят, в среднем, с учетом налога федерального и штатовского, а будет 21-22%. Наверное, сейчас будет подъем американской экономики в результате снижения налогового бремени, будет перекоп в доходах, будет перекоп в распределении, будет перекоп в распределении социальных благ. Потом кто-то, наверное, демократы, придут и скажут: нет, мы тут поправим. Придет Обама, скажет: будет очередная Обама Care или что-то наподобие.

Мужчина: А в России это не применимо?

Геннадий Гудков: В России не применимо, в России нет политики. В России нет партии, нет выборов. В России сегодня неприменимо ничего, кроме предложения Путину провести политические реформы, направленные на создание системы смены власти. Если он на это не пойдет, к сожалению, нас ожидает очень тяжкий, трагический, кровавый сценарий.

Мужчина: У меня другая позиция. Спасибо.

Олеся Кочеткова: Здравствуйте! Кочеткова Олеся Вячеславовна, кандидат экономических наук.

Геннадий Гудков: То есть вы представляете новое поколение социал-демократии?

Олеся Кочеткова: Да. Вероятно, я очень низко сидела, поэтому вы не заметили, не отнеся меня ни к молодежи, ни к лидерам. Старинная русская пословица гласит: без пастуха овцы – не стадо. Может быть, это идеальная формула некоего идеального государства? Как вы считаете?

Геннадий Гудков: Нет, не считаю так. Я вам приведу простой пример. Есть такая преуспевающая страна, входящая в пятерку самых богатых мира стран – Швейцария. Там никто не знает, кто у них президент, и никто не знает, кто члены парламента, и кто руководитель кабинета министров. Знаете, почему? Они все решают на референдумах. В Италии правительство меняется, как перчатки, мы с вами прекрасно знаем. При этом Италия в два раза сегодня по ВВП опережает Россию, хотя еще пять лет назад Россия с Италией боролась за место под солнцем в ВВП мировом, в табеле о рангах ВВП.

В Германии, может быть, стабильность Меркель, но эта стабильность коалиции оных договоренностей. Вы знаете, та же Великобритания – Мэй пришла два года назад, потому что там ни кто не держится за власть, с точки зрения, как у нас. Если там народ проголосовал за брексит 52%, а 48% проголосовало против, то все правительство ушло, уступив тем людям, которые отражают предпочтения политического большинства. Везде меняется. В Швеции меняется, в Финляндии меняется.

Возьмите Финляндию, это наша бывшая колония, которой в 1881 году была дана широчайшая автономия, и парламент первый в мире предложивший всеобщее равное избирательное право. Британия голос женщинам дала в 1921 году, а Финляндия – в 1881, на 40 лет раньше. Финляндия сегодня имеет 80 000 долларов на человека, а мы – 8. Вот результат, ни ресурсов, ничего.

Мужчина: У меня простой, маленький вопрос, но существенный. Вы сказали, что социал-демократию без лидеров трудно создать. И сейчас предлагаете модель лидера Собчака.

Геннадий Гудков: Я про Собчака «лидер» не говорил.

[01:40:01]

Мужчина: Но речь идет о создании социал-демократической партии, ваш сын плюс Собчак.

Геннадий Гудков: Нет, не социал-демократической. Это будет партия широкого демократического фронта. Там будет и левое крыло, и правое крыло. Я думаю, что Собчак возглавит правое направление. Дмитрий Гудков готов...

Мужчина: У меня к вам один вопрос и одно предложение. В свое время вы начали процесс объединения с экологами, с Экологической партией.

Геннадий Гудков: Да.

Мужчина: Не получилось.

Геннадий Гудков: Потом это все получилось в ряде уголовных дел, арестов, задержаний.

Мужчина: Я знаю, да. Но сегодня экологическая ситуация беспокоит народ больше, чем даже неравенство. Пожары. То, что случилось в Кемерово – это вообще ужас.

Геннадий Гудков: Но пожары не относятся к экологии.

Мужчина: Экология человека, экология жизни, беззащитность перед этим. Государство не справляется, оно бьет по хвостам. Вот если создание такого движения, мощного, экологического, в защиту самого общества от всего этого, взять в руки свои этот процесс. И зеленые все-таки в Европе побеждали. Может быть, попробуем через это к социал-демократии выйти? Это непросто природная экология, а социальная экология, спасение жизней самих людей самими людьми. Чем дальше, тем больше, хуже будет. Народ боится всего этого.

Геннадий Гудков: Я только что говорил, что есть два вида протестных движений. Социально-экологическое – туда надо идти. Это первое. Второе – давайте не будем идеалистами. Зеленые в Европе не побеждают. Есть две крупнейшие фракции в европейском парламенте, одна представляет правоцентристскую платформу, другая – левоцентристскую. Зеленые являются, безусловно, важным политическим элементом, но не являются доминирующими ни в одной стране.

Я объясню, почему. Зеленые трудно объединяются между собой. У нас три или четыре формально зарегистрированных партии носящих название зеленых, даже в России. Мы с вами видим даже на примере того же Волоколамска, что они ни с кем не хотят объединяться. У нас протест дальнобойщиков ни с кем не объединяется, они против политики. У нас экологическое движение в Волоколамске ни с кем не объединяется, они против политики.

Пока это все на уровне этого крестьянского бунта, когда помещика выгнать и разойтись по домам. А то, что приедет карательный отряд через две недели, об этом никто не думает. Конечно, вы правы в идеале, и мы с Глебом Фетисовым как раз это делали. За это нас правильно, видимо, с точки зрения власти, преследовали. Но это вопрос будущего, потому что объединяться не с кем. Еще не выкристаллизовалась структура устойчивая.

В той же Коломне, это мой родной город, есть «Воловичи», свалка, там есть давно действующее экологическое движение против свалки. И когда они сели за стол переговоров, в этот же день другая часть экологического движения перекрыла трассу,

сорвала переговоры. Неважно, а важно, что даже внутри они не могут договориться, внутри одного города, района. Это сложность вообще в России.

Борис Гуселетов: Спасибо. Коллеги, у нас еще один докладчик, Олег Молчанов.

[01:43:17] Организационные разговоры

Олег Молчанов: Уважаемые коллеги, товарищи! Социология, которая проводилась перед президентскими выборами, очень подробная, во всех регионах страны, говорит, что самыми движимым общественным настроением, мотивационным настроением людей в политической сфере, являются три разных вектора. Первый – это имперская внешняя политика. К сожалению, у нас именно такое общество, именно этот настрой позволил выиграть выборы в одну калитку.

Второй – это патерналистское государство. Люди ждут, что власти всех уровней будут решать все их проблемы, включая крышу в частном доме, забор на даче, и заканчивая курсом доллара. Третий настрой – это антиэлитные настроения. По социологии, они появились только за последние два года, и выросли до нескольких десятков процентов.

Преыдушие ораторы говорили, что в бывшей ГДР партии «Антиэлитные настроения» могут получить до половины голосов. Эти же антиэлитные настроения позволили выиграть Трампу, выиграть брексит. Это «Лига севера» в Италии, это «Народная партия» в Австрии, это много антиэлитных структур на территории всей Европы, включая Восточную Европу, которую мы повторяем. С большим запозданием, но повторяем.

[01:45:16]

Исходя из этого, если опускаться за землю, и говоря о том, какой должна быть не социал-демократическая, а социалистическая партия, эта партия должна быть левополулистной и антиэлитной. Именно в этой форме могут возродиться социал-демократические идеи в России. Пока что чистая социал-демократия, которая представлена профессорами ведущих московских вузов в России, не приживется, а приживутся те мужики из Волоколамска, которые пообещали главе района побить и засунуть очки кое-куда, после чего он тихо написал заявление об отставке.

Вот это – социальная база социал-демократии. Другой социальной базы для социал-демократии в нынешней России нет. нам нужно будет работать с теми людьми, которые могут теоретически за социал-демократов и социализм проголосовать. Это все и всяческие протестные группы, протестные, в основном, потому, что у них нет денег. Именно потому, что нет денег, люди живут около свалок. Были бы деньги. уехали бы куда-нибудь подальше. Нет денег уехать с Севера, и люди живут там просто в каменном веке.

С каждым годом, к сожалению, этих людей, у которых не будет хватать на самое необходимое, уровень жизни будет падать, будет все больше. Наша задача – сделать так,

чтобы этот великошовинистический вектор, мотивы их поведения, уменьшался. Точнее, перестал быть определяющим в их действиях. Остальные два мотива, которые мы можем использовать – это патерналистское государство, и «все начальники сволочи», вот он увеличивался.

Это стратегические задачи будущей партии. Это может быть не партия, это может быть движение по типу польской «Солидарности». Это могут быть трудовые профсоюзы, по типу XIX – начала XX века. В каких формах программа может быть реализована наиболее эффективно – это технический вопрос, вопрос длительных обсуждений не на этой трибуне.

У нас очень трудная ситуация с самой политической площадкой. Нам приходится играть в футбол не на ровном поле, не с одинаковыми воротами с двух сторон, а в горах, поле наклонено под 45 градусов, и завалено булыжниками размером со стол. Но другого поля у нас нет. Будем искать правила, и будем искать способы играть на этом поле, и выигрывать. Других вариантов людей, которые хотят жить в этой стране, и хотят, чтобы здесь жили их дети, у нас нет.

Борис Гуселетов: Спасибо. Николай Смирнов-Милославский, движение «За словом – дело».

Николай Смирнов-Милославский: Я отвечу, что происходит, и что делать. Собственно, Геннадий Гудков меня воочию знает, но мы никак не можем с ним сдружиться и идти вместе, у него почему-то антипатия ко мне. Я приведу такое четверостишие. Бытует мнение, что народ у нас такой. Вот народ у нас такой, как заявляете. И член Совета Федерации, вы знаете, Нарусова, настолько высказалась по поводу народа! Но я не буду повторять эту глупость. Любой из нас, это сказавши, сидел бы уже где-то далеко. И все же верю я в народ, который терпеливо ждет, но, видно, в том его беда, то он – вулкан, то – тишь-вода.

Вот в вулкан нас превращают революции и войны, а в тишь-вода превращается власть. И какой же выход? Интеллигенция, которой предписано развивать общество, у нас коленопреклоненная. Она же подкупаемая, она продаваемая. Поговорили, косточку бросили – и все, ушли в тень. Мы боимся напрямую выйти на министра и доказать, что он неправ. Всеми уважаемый Юрий Болдырев, когда ему задали вопрос: «А что вы сделали?», он говорит: «Я знаю, кто там сидит, бесполезно».

Но вот я, только я, снял двух министров через суд, здравоохранения – Зурабова, и последнего – Ливанова. Десятки глав управ, начальник полиции. Все можно изменять. Но главное, что уже настолько замылены, я не говорю уже о КПРФ, марксизме-ленинизме и дальше, но и социал-демократия, которой приписана аксиома, что большинство народа должно быть пропитано желанием к этой партии – и эти слова замыслены.

Я долго думал, какое же слово-то нужно народу. А народ-то сыт по горло вашей... нашей трепней, которую большинство льет с телевидения, и отсутствием конкретных дел. Ведь почему не пускают в Волоколамск? Потому, что те же болтологи придут, раззадорят, и уйдут. Там рождаются лидеры. Вот нужен лидер, который не туда пришел, а нашел диалог с этим лидером, оперся. Профессионализм нужен. Вот эти экологи, которые нам говорят: «Партию давайте создавать». Да вы должны быть звеном той общей партии, вашей экология должна быть долей в той партии. Да, жизнеобеспечение. Да, борьба за жизнь, это основополагающее. Но не приоритет.

Напоследок. Народ требовал: вот, давайте партию, то, се. Я имею в виду интеллигенцию. Ну, и народили, порог понизили – 500, и партий создано столько! И как народу разобратся, кто меньше принесет вреда, когда в стране такое гадство, в стране такая чехарда? Я выразился о партийном буме. Ну, и что? Что мы получили? Опять массу всяких клонов, КПРФ, КПСС, ВКПБ, и так далее, и тому подобное.

В заключение, мое предложение – во-первых, технология малых дел, которая должна проявлять лидера, идущего на таран. Может быть дело без слова? Нет. Может быть слово без дела – это принцип интеллектуала? Нет. Я создал такое движение, «За словом – дело». Здесь нет социализма, и прочего, здесь новые слова, которые (нрзб)[01:52:38]. Я поддерживаю социал-демократию, готов вступить в диалог и защищать вас перед любой властью.

Борис Гуселетов: Спасибо, коллеги! Я благодарю всех докладчиков, я благодарю всех, кто пришел, присоединился к нам. Надеюсь, что все-таки не все так пессимистично, и за нищетой какой-то блеск нас ждет. Спасибо, всего хорошего!

Женщина: Традиционные партнеры социал-демократов, я остановлю внимание, женские и иные общественные организации, отвернулись ли от их? Да, отвернулись. И отвернулись, в том числе, что партия социал-демократов при своей изначальной организации, 100 лет тому назад – это все партии патриархатного типа.

Вертикаль уходит в прошлое. Горизонтальные связи и сети устанавливаются. Именно поэтому я думаю, что возрождение социал-демократии в том старом смысле фактически будет невозможно. В том числе, женские организации, которые менее склонны к этой вертикали, выходят на смену. Вот все люди, которые борются.

Борис Гуселетов: Спасибо! Спасибо, коллеги!

[01:54:05][Конец записи]